

Svetlana I. FOMINA

Cand. Sci. (Methods of Raining and Education
(Fine and Decorative Arts), Assos. Prof.,
Department of Art Education
and Decorative Art, Russian State Pedagogical University,
Saint-Petersburg, Russia
svig73@yandex.ru

**Resources of Russian Regions:
Study in the Process of Project Activities
(Master's Program «Regional
Cultural and Educational Tourism»)**

Characteristics of strategies and technologies for implementing projects aimed at studying the resources of Russian regions are the focus of the article. The base is the program «Regional cultural and educational tourism». Interdisciplinarity is analyzed as a strategy for project activities. Four groups of projects of various forms (network projects, quests, integrated classes, educational programs, route sheets, etc.) are described in the article. They demonstrate the possibilities for the formation of professional competencies of future professionals in the field of cultural and educational tourism.

Keywords: *cultural and educational tourism, the main educational program, pedagogical education, magistracy, cultural and educational tourism resources, project activities, educational projects, tourist content.*

Б. М.-Г. Харсиев*

**Регламентация семейных
отношений ингушей: социальный аспект**

Семья является важной основой общества. Культурные процессы происходят и проецируются в семье. При этом семья — не только своего рода зеркало культурного взаимодействия; она и сама влияет на культурно-бытовые процессы, ускоряя

* ХАРСИЕВ Борис Магомет-Гиреевич, кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева. Магас, Российская Федерация. Электронная почта: harsievfilial@mail.ru.

или замедляя их. Особенности социально-экономического и исторического развития ингушского народа, специфика горного и предгорного ландшафтов, проживание большей части населения в сельской местности, политика царского правительства, консервировавшего общественный строй горских народов, способствовали сохранению традиционности в его материальной и духовной культуре, а также социальной организации — семьи. Муж и жена были обязаны соблюдать определенный этикет при детях, одинаково безнравственно считалось ругаться, ссориться или проявлять излишнее чувство нежности по отношению друг другу. Многодетная семья считалась идеалом, а воспитательные функции были важнейшими функциями в семье.

Ключевые слова: социальная нация, большая семья, патронимия, этнос, общественные связи, родовой быт, обычаи, традиции.

В связи с задачами построения единой социальной нации на просторах Российской Федерации, необходимо учитывать исторический опыт общественного быта народов страны (см.: [1] [7]). И в первую очередь семьи, как ячейки общества.

«Семья, как показала разработка общей теории этноса, является важной микроячейкой этнических процессов. Это тем более относится к такой их составляющей, как культурные процессы. При этом семья — не только своего рода зеркало культурного взаимодействия; она и сама влияет на культурно-бытовые процессы, ускоряя или замедляя их ход» — отмечает Я. С. Смирнова [16, с. 100].

Исторически сложившийся тип семьи у народов Северного Кавказа в определенной степени влиял и на ее структуру, в частности, на характер взаимоотношений между ее членами, хотя имелись и свои различия, сложившиеся у отдельных народов региона в результате особенностей их конкретной истории, например, более глубокого влияния ислама на чеченцев и ингушей или постоянных репрессий со стороны властей. Но в то же время близость исторических судеб и динамичность семейной организации порождали значительное сходство в структуре семьи у всех народов и групп населения Северного Кавказа.

Наряду с экономическими в семейно-родственной группе сохранились общественные связи. Патронимия была коллективом людей, ощущавших свою особенно тесную близость и солидарность. Организационно это выражалось прежде всего в наличии общего главы, «старшего», с которым полагалось советоваться во всех важных случаях жизни семей данной группы. Члены патронимии были связаны круговой порукой. «В частности, именно из числа близких родствен-

ников избирались соприсяжники (либо часть их) ответчика или обвиняемого на суде» [5, с. 311]. Но еще важнее была семейно-родственная взаимответственность при кровомщении и выплате компенсаций. Немалое значение имели также идеологические связи между семьями одной патронимии. В этом отношении были важны уже общепатронимическая генеалогия, воспоминание об общем родоначальнике группы. Это был один из потомков предка-эпонима всей фамилии, оставивший большое мужское потомство или проявивший себя как-то иначе и поэтому давший начало данной патронимии.

Семейно-родственная группа не была замкнутым миром: она входила, с одной стороны, в более широкие образования, с другой — в сельские общества или соседские общины. Патронимии так же, как и соседской общине, в отличие от рода, свойствен дуализм частной собственности на сельскохозяйственный двор и скот и коллективной собственности на землю или хотя бы на некоторую ее часть. Семьи одной патронимии не были единым производственным коллективом, они только помогали друг другу. Но они были во многих отношениях связаны между собой теснее, чем соседи-общинники, и, следовательно, можно говорить о количественном различии патронимических и соседско-общинных связей.

Всем этим определяется то особое влияние, которое оказывала в первую очередь именно семейно-родственная группа на уклад жизни каждой отдельной семьи и всех ее членов. Пользуясь постоянной материальной и моральной поддержкой со стороны близких родственников, горская семья сызмальства воспитывала детей в уважении к узам родства и мнению родни, особенно старшей. В норме ни один важный жизненный шаг не предпринимался без совета со старшими членами семейно-родственной группы и ни одно событие семейной жизни не обходилось без активного участия всех близких родственников.

Ни один обряд, связанный с хозяйственным или с жизненным циклом, повседневной жизнью или нарушением ее привычного хода в одной из семей патронимии, не мыслился без присутствия хотя бы представителей других семей. Такой же характер имела и роль, которая отводилась «старшему» в патронимии в решении практических вопросов и обрядовой жизни.

Особенности социально-экономического и исторического развития ингушского народа, специфика горного и предгорного ландшафтов, проживание большей части населения в сельской местности,

политика царского правительства, консервировавшего общественный строй горских народов, способствовали сохранению традиционности в его материальной и духовной культуре, а также социальной организации — семьи. Приведем одну из характеристик быта ингушей в освещаемый нами период. «Живут горные ингуши по несколько семей в одном жилище. Каждая семья имеет особое помещение, отделенное от помещений остальных семей толстыми каменными стенами и выходящее в один общий коридор» [10, с. 72].

Во второй половине XIX и начале XX вв. в Ингушетии существовали большие неразделенные и индивидуальные семьи. Женатые сыновья обычно жили совместно со своими родителями, «хотя и строили для себя отдельные дома» [17, с. 122–123].

По описанию Б.К. Далгата, «... в состав большой семьи ингушей, проживавших в горной и низменной части под одной кровлей, входили целые поколения: родители, дети, внуки и правнуки» [5, с. 350–351].

Наряду с большими семьями указанные авторы упоминают двухпоколенные и индивидуальные семьи в конце XVIII и начале XIX вв.

«Развитие производительных сил ингушского общества предопределило процесс выделения из большой семьи малых семей» [8, с. 10].

Существованием больших семей или семейной общины народ соблюдал исторически сложившийся обычай. Нераздельная семья, как характерный компонент семейной общины, пользовалась большим авторитетом в обществе. «Она гордилась своей многочисленностью, в особенности большим количеством мужчин» [6, с. 32–33]. В таких семьях власть находилась в руках старшего — *цѣн-да* (хозяин дома), считавшегося кормильцем семьи и главным хранителем морального кодекса (*эздел*) как в семье, так и за ее пределами в отношении всего общества. Моральный кодекс чести *эздел* являлся основой взаимоотношений и семьи, и общества. Главенство за *цѣн-да* сохранялось и тогда, когда его собственные сыновья вырастали. «Сын до самой смерти слушается отца» [5, с. 344]. *Цѣн-да* и старший сын в основном осуществляли общее руководство и управление, средние и младшие члены семьи мужского пола занимались посевом, промыслом, охотой, уходом за скотом, заготовкой сена и дров. Снохи совместно вели до-

машнее хозяйство. Существовала строгая семейная иерархия подчинения младших старшим членам семьи.

Жена хозяина дома — *цIен-нана* (хозяйка дома) — являлась основной распорядительницей в доме. Хотя считалось, что «... жена (по адату) всецело переходит во власть мужа, родители ее не властны; однако за убийство ее мужем они мстят» [5, с. 344]. Жена ведала кухней, кладовыми. Ей подчинялись снохи, с ней считались и мужчины. Она участвовала в семейных советах, распоряжалась на свадьбах, праздниках и т.д. Отец считался патриархом, авторитет его непререкаемо поддерживался женой, сыновьями, дочерьми и внуками. Все важные вопросы взаимоотношений с другими родами, общественного быта решались главой семьи. «В делах, касающихся дома, между мужчинами и женщинами было строгое распределение труда и обязанностей, мать, жена главы дома была полновластной хозяйкой. В доме вайнахов жена была не служанкой, как это привыкли понимать, а хозяйкой» [11, с. 9]. Вмешиваться в функции хозяйки считалось предосудительным.

В обязанности женщин входили: приготовление пищи, обеспечение членов семьи одеждой, уход за детьми, уборка дома, доение скота, уход за птицей, прополка огорода. Хозяйка дома распределяла домашнюю работу также между несовершеннолетними детьми. Мальчики с 8–10 лет пасли овец, гоняли скот на пастбища, а с 12–14 — помогали отцу в полевых работах. Девочки с пяти с 5–7 лет учились рукоделию шитью, ведению хозяйства. Они убрали жилые помещения, подметали дворы, выносили помет и навоз из земляного хлева, приносили воду, нянчили младших детей. «Девушка в семье обязана обслуживать и подчиняться всем своим братьям, хотя бы она была старше некоторых из них годами, за исключением братьев моложе двенадцати лет. Еще ниже на этой иерархической лестнице стояла невестка, которая подчиняется сестре мужа, его племяннице, внучке» [16, с. 36].

С малолетства приучая детей к труду, старшие следили, чтобы они безоговорочно выполняли все поручения. Дети обычно соревновались между собой: кто чище и быстрее справится со своими обязанностями. Мать чаще была занята работами вне дома: полола кукурузу на поле или выделывала войлочные изделия, поэтому домашними делами приходилось заниматься детям. Они сами присматривали за собой, младшими сестрами и братьями. «Мать, воспитавшую хороших детей, уважали в обществе. При ее появлении в знак уважения вставляли даже взрослые мужчины» [12, с. 178].

Многодетная семья была более трудолюбивая. Мать старалась внушить детям уважение к отцу. С малых лет они видели в нем некое возвышенное, недостижимое существо. То же самое они видели в отношениях их отца к своему отцу (дедушке). Эта традиция переходила от отца к сыну и постепенно внедрялась в семейный быт.

В ингушской семье слово старшего, его замечания были для младших законом, и никто не смел ему перечить. Это не означало, что старшие по возрасту — дедушка или бабушка — навязывали членам семьи свою волю. По традиции младшие считали себя обязанными подчиниться слову старшего и выполнять его распоряжения.

«При рождении сына поздравляют родителей-супругов; и по адату, и по шариату (хакикат) через 3 дня по рождению режут барана, собирают девушек для танцев; имя также дают на 3-й день рождения» [13].

«Отцы всегда радовались рождению сыновей, однако редко их ласкали, а брать их в руки при посторонних стеснялись, так как это считалось вовсе неприличным» [5, с. 344].

Муж и жена были обязаны соблюдать определенный этикет при детях, одинаково безнравственно считалось ругаться, ссориться или проявлять излишнее чувство нежности по отношению друг другу.

«За проступки жены отвечает муж; ее дела ведет он. Даже за убийство, совершенное женою, наказывается муж; женщина у ингушей неприкосновенна и наказанию не подлежит» [5, с. 341].

В. Итонишвили пишет: «В семье кистов, как бы немощен и стар ни был член семьи, молодой хозяин, управляя семейными делами, не позволял себе, не посоветовавшись с ним, решать какие-либо вопросы. Тем более недопустимым было невнимание к нему со стороны других членов семьи. Большое уважение к старшим является главным признаком семейных отношений как панкисских кистов, так и других горцев. Кистинский этикет требовал тщательного сохранения отцовских обычаев, уважения младшими старших как в семье, так и в обществе. В глазах киста недостойным членом семьи считался тот молодой человек, который вел неуважительный разговор с ним, был бесцеремонен и говорил лишнее и т.д.» [6, с. 172].

В присутствии старших членов семьи нельзя было пить крепкие напитки, курить, молодые обязаны были стоять и воздерживаться от лишних разговоров, неуместных реплик и смеха. Нельзя было спорить со старшими, не проявлять обязательного уважения и почти-

тельности. Отец обычно не наказывал членов семьи, этим занималась мать. Отношения родителей и детей основывались на взаимопонимании и взаимных уступках.

3. Гулисашвили пишет: «В кистинской семье с большим уважением относятся к старику. Старший по возрасту здесь принадлежит не одному члену, а больше семейному совету, который иногда, ввиду неспособности принимать правильные решения, мог лишиться титула семейного патриарха и передать свои полномочия более молодому» [18].

К *цѐн-да* и *цѐн-нана* члены семьи (сыновья, дочери, невестки и внуки) относились с большим вниманием, согласовывали с ними все вопросы быта семьи. Больше всех работы по дому выполняли невестки.

Родство по отцовской линии ингуши поддерживали до тех пор, пока продолжается фамилия. Самыми почетными родственниками считались *нон-хой* (родные матери) и *захал* (родственники невестки). Браки между родственниками по матери или отцу (*гаргал-нах*) категорически запрещались. Следует отметить, что обычаи, на которых строились отношения между людьми, носили законодательный характер. Например, запрещались браки между ближайшими соседями, если даже они были представителями разных фамилий, между приемными детьми и их новыми родственниками, строго соблюдался обычай побратимства. Дети побратавшейся семьи считались такими же братьями и сестрами, как и родные.

«В конце XIX — начале XX в. большая семья сохранилась преимущественно в горных местах. Это объяснялось малым удельным весом требующего большого труда земледелия и альпийским скотоводством, строго регламентирующим перемещение скота на дальние расстояния от дома, которые требовали наличия большого числа рабочих рук и такой внутренней организации, которая была бы способна обеспечить распределение функций в этом сложном, многопрофильном хозяйстве. Такой и была большая семья у горцев» [15, с. 17]. «Если в горных районах больше семейная организация еще оставалась сравнительно распространенным явлением, то на равнине она уже в основном прекратила свое существование», — пишет Я. С. Смирнова [16, с. 185].

Господствующим типом семьи в большей части Ингушетии, особенно в плоскостных ее районах, стала малая, индивидуальная семья.

Чаще всего она состояла из представителей двух поколений: родителей и детей, реже включала в свой состав представителей старшего поколения и боковых родственников мужа: осиротевшего племянника или овдовевшую сестру, тетю.

В отличие от большой семьи, для которой характерно половозрастное разделение обязанностей, в малых семьях, если дети еще не выросли, все виды работ ложились на плечи супругов.

Выделение женатого сына в самостоятельную хозяйственную единицу происходило обычно через полгода или год после свадьбы, в течение которого создавалась материальная база новой семьи. Создание новой хозяйственной ячейки общества сопровождалось не только изменением структуры большой семьи, но и трансформацией функций ее членов. Молодой хозяин приобретал права единоличного решения семейных вопросов. На нем теперь лежало бремя выполнения самых трудоемких работ по хозяйству: заготовка дров, сена, полевые работы, строительство и ремонт дома и т.д. Труд его приобретал более заинтересованный характер, чем в большой семье.

Заметно изменилось положение женщины в малой семье. Круг ее обязанностей также увеличивался: кухня, уход и воспитание малолетних детей, уход за скотом, доставка воды, уборка помещений, двора, обмазка и побелка дома, помощь мужу в полевых работах и другие. Если в семье жила свекровь, то она брала на себя часть домашних обязанностей, в частности, помогала в уходе за детьми. Отличаясь большим трудолюбием, ингушки до глубокой старости не отстранялись от домашнего труда: готовили пищу, ткали сукно, шили суконную обувь, ухаживали за малыми детьми и тем самым высвобождали невестку для более трудных и ответственных дел.

До начала XX в. в Ингушетии господствовали полунатуральное хозяйство и патриархально-феодалный быт, в таких условиях каждая семья стремилась иметь большое количество детей, как потенциал рабочих рук, обеспечивающих ее существование. Счастливой считалась семья, где было десять и более детей. Иметь детей считалось большим счастьем, а не иметь — несчастьем и наказанием божьим. Особенным благополучием для семьи было наличие большого количества детей мужского пола. В семье, где есть мальчики, рождение девочек тоже было радостным событием. «Матери, не имеющей дочери, или сестре, не имеющей сестры, сочувствовали» [8, с. 17].

Рождение ребенка мужского пола было радостным событием в семье. Дети 7–10 лет при первом сообщении о появлении ребенка бежали, обгоняя друг друга, чтобы первыми сообщить приятную весть ближайшим родственникам и соседям. Маленьких «гонцов» вознаграждали за сообщение деньгами или подарками. Семья, в которую вселилось торжество, готовила званый обед для гостей, а в некоторых семьях проводили религиозный обряд — мовлат. Отдельные состоятельные семьи организовывали скачки с призами для победителей, в которых принимали участие все желающие наездники не только из села, но и со всей округи.

Наречению ребенку имени придавали большое значение, пытаясь подобрать имя человека, известного в селе или во всей Ингушетии. Считалось, что новорожденный должен быть таким же прославленным или храбрым, уважаемым в народе за добродетели. Кроме того, с введением мусульманской религии ингуши стали нарекать своих детей именами святых: Хасан, Хусейн, Мухаммед, Сайд, Петимат, Хава и др. По этому поводу Н. Ф. Грабовский писал: «У ингушей нет раз и навсегда установленных имен для наречения новорожденных. Чаще всего в этих случаях даются магометанские имена, но иногда ингуш любит назвать своего ребенка каким-нибудь предметом, как, например: *Борз* (волк), *Оалхазар* (птица), *Наж* (дуб), *Тепча* (пистолет) и т.д. Затем ингуши охотно дают имена в честь каких-нибудь уважаемых людей, не исключая русских...» [4, с. 64].

Детям с раннего возраста прививали уважение к родителям. Народная мудрость гласит: «Выученное в молодости, как написанное на камне». Им внушали, что повышать голос на родителей и проявлять неповиновение — большой позор перед обществом родственниками, большой грех. «Дети, как мужского пола, так и женского пола, несмотря на возраст их, находятся в полной зависимости от своих родителей, как от отца, так равно и от матери. Они должны во всех отношениях им повиноваться со смирением и глубочайшим почтением, принимать всякое от них приказание, безропотно исполнять их и без сопротивления терпеть всякое наказание от своих родителей» [9, с. 112], — писал Ф. И. Леонтович.

Образец поведения родителей, их семейный образ жизни, характер взаимоотношений между ними оказывают большое влияние на образ жизни молодых. Поэтому родители всячески поддерживают

авторитет друг друга перед детьми. В случаях расхождения мнений родители выясняли отношения между собой без присутствия детей.

Многодетная семья считалась идеалом, а воспитательные функции были важнейшими функциями в семье. Трудовая деятельность в ингушской семье служила арсеналом воспитательных средств, а воспитание не являлось специальным процессом. Нормы поведения и взаимоотношений членов семьи определялись половозрастным признаком. Младшие члены семьи не должны были разговаривать со старшими сидя, если те стоят. Особенно это соблюдалось между членами семьи. В соответствии с этим в Ингушетии, как и вообще на Кавказе, самым большим уважением пользовались пожилые люди и прежде всего глава семьи. «В семейном быту вайнахов была характерной согласованность действий старшего с мнением совершеннолетних членов семьи» — читаем мы В. Д. Итонишвили [6, с. 13–14].

Таким образом, мы можем констатировать, что в конце XIX — начале XX вв. у ингушского народа основным типом семьи в плоскостной части Ингушетии была малая, двухпоколенная, индивидуальная семья — дезал, но в ней преобладали еще такие черты большесемейной общины, как приоритет мужчины, являвшегося главой семьи и распорядителем имущества. Особое положение мужского пола объяснялось, как отмечалось выше тем, что они — кормильцы семьи, продолжатели рода, защитники страны. «Мальчик — будущий мужчина и боец, продолжатель рода» [2, с. 28], — писал А. Бергер.

Ингуши стремились дать всестороннее воспитание своим детям; умственное, физическое, нравственное, эстетическое, привить любовь к труду, хотя условия для такого воспитания были крайне ограниченными. Умным считали умудренного жизненным опытом человека, старшего в роду, семье или образованного в силу своих возможностей.

Одним из элементов системы воспитания в состоятельных семьях ингушей был обычай отдавать детей на воспитание в чужие семьи (аталычество). «Аталычество или обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род, вдали от Родины..., плоскостные ингуши и чеченцы заимствовали этот обычай у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам или кумыкам» [5, с. 52].

Также у ингушей практиковалась отдача одного из детей на воспитание или на постоянное жительство ближайшему родственнику, бездетному брату, дяде, сестре. В этом случае дети признавали своими

родителями приемных отца и мать и становились продолжателями их рода.

Усыновление и воспитание детей выполняли функции взаимопомощи, взаимоподдержки, коммуникации и воспитания.

Трудовое воспитание детей у ингушского народа являлось основой всех направлений воспитания. До 9–10 лет воспитанием мальчиков занималась мать, затем — отец, дедушка. Совершеннолетним юноша становился в 15 лет, ему поручалось выполнять трудоемкие работы, он мог носить оружие и, по адату, вступать в брак. Актом совершеннолетия являлся приезд его к матрилинейному дяде, который дарил ему обычно коня [16, с. 55–57]. «Для девочек этот возраст наступал раньше — в 14 лет. В этом возрасте ее можно было сватать. В доме, где имелась девушка на выданье, ворота двора до поздней ночи должны были быть настежь открытыми» [8, с. 22].

Ингуши придавали большое значение физическому развитию и воспитанию детей, особенно мальчиков. Этого требовали прежде всего необходимость защиты своего отечества, села, родичей, семьи, а также существующий обычай кровной мести. К физическому воспитанию относились: верховая езда, борьба, метание камней, дротиков, копьа и т.д. Старшие в семье обучали младших верховой езде, владению оружием.

Часто устраивали различные соревнования, в том числе конные состязания. «Западного человека, прежде всего, у кавказца удивляет живость его нескованной ритмики, его пластическая подвижность, его любовь к борьбе, к конским ристалищам, к метанию дротиков, его умеренность в пище, любовь к свободе, к быстроте перемещений, его кочевые склонности обожествлять солнце и коня, самое быстрое в видимом им мире светило и самое быстроногое животное» [14, с. 18]. «Смелые наездники приучают своих лошадей бросаться с утесов и с крутых берегов рек... Такой отчаянный навык, подвергавший всякий раз жизнь седока-джигита вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятеля при случае близкой погони» [3, с. 147]. Такие соревнования прививали мальчикам любовь к ездovому спорту, закаляли их, воспитывали мужество и волю.

Физическому воспитанию способствовали различные игры, такие как состязание в беге, фехтование на шашках и кинжалах, стрельба из лука, игра в мяч, катание на санках и коньках.

Большое внимание уделялось нравственному воспитанию детей. С малолетства детям прививали правила поведения дома и в обществе. Одним из методов воспитания являлись личный пример, авторитет старшего в семье, построенный на выдержке, подражание поступкам былинных героев.

Неотъемлемой частью традиционного воспитания у ингушей был обычай избегания между родителями и детьми, в особенности между детьми и отцами. Поощрялась внешняя сдержанность между ними. Отец при детях не должен был пить алкогольные напитки, курить, а если ему за пятьдесят, он должен был вообще отказаться от того и другого. Зять не показывался родителям жены.

Избегание генетически не связано с патриархальной приниженностью младших членов семьи. Избегание выполняло определенную социальную функцию в пределах ингушского этикета. Оно напрямую связано с проявлением внутрисемейного и общественного уважения друг к другу в процессе общения, основанного на благочестии и скромности, сдержанности и терпении. Избегание как одна из форм традиционно-бытовой культуры ингушского народа сохранилось в своих основных формах и по сегодняшний день как составная часть эздел — ингушского кодекса морали.

Нравственно воспитанным считают того, кто не проводит свое время в праздности и излишней болтливости. «Безделье и болтливость детей решительно осуждались и осуждаются у вайнахов» [8, с. 25]. С детства родители и старшие требовали от детей быть верными данному слову, товарищеской дружбе. Детям прививали чувство чести и благородства, любовь к отечеству и уважение к обычаям. Большое значение придавали воспитанию у детей чувства взаимопомощи, взаимоподдержки, готовности выполнить поручение старшего члена общества.

Эстетический вкус ингуши старались привить детям обоего пола. Их с малых лет приобщали к музыке и танцам. Мальчиков привлекали к оформлению интерьера дома, ворот, сада и т.д., девочек — к оформлению одежды, убранству дома, художественной вышивке, ковроткачеству.

Женщина-ингушка во все времена пользовалась большим уважением и правами, «... хотя и была обременена большой долей труда» [4, с. 125]. Дочери в ингушской семье должны были быть во всем по-

корными родителями. Их могли отдавать замуж без их согласия. Отец «... содержит их, как знает, выдает замуж за кого хочет» [9, с. 177].

Конечно, было бы ошибкой считать, что все браки заключались без согласия девушек. Чаще всего девушка знала, кто ее сватает, и давала свое согласие. Девушка могла увидеться с молодыми людьми на свадьбе у родственников, соседей, в гостях и т.д., существовал специальный обычай шутивого сватовства — зохолод, который позволял молодым людям общаться как в серьезном, так и в шутивном тоне, потанцевать вместе. Все это, конечно, проходило публично. Молодые люди могли видаться также у колодца или ключа, куда девушки приходили за водой.

«Выходить замуж без согласия родителей у ингушского народа считалось позорным» [8, с. 28]. Если девушка выходила замуж без согласия родителей, ее всеми силами пытались вернуть в отчий дом, и чаще всего под давлением родственников девушки ее возвращали. В этом случае родители без спроса могли отдать девушку замуж по своему усмотрению.

Из всех бед, которые могли постичь семью, худшей считалась, когда позор касался женщины. Поэтому честь женщины обязаны были оберегать все мужчины семьи и рода. «О женщине говорили: как много зависит от нее, она может сплотить семью, родню. Хорошая женщина из посредственного мужчины может сделать князя, а плохая — из князя — батрака» [8, с. 30]. «Несмотря на бесправное внешнее положение свое, женщина при уме и энергии играет выдающуюся роль и в родовом быту народов» [5, с. 62], — писал Б. К. Далгат об ингушской женщине.

Анализ семьи и семейного быта ингушей в конце XIX — начале XX вв. позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, основным типом семьи была малая, двухпоколенная семья, насчитывавшая в среднем от 6 до 8 человек. Наряду с ней бытовали семья, насчитывающая три поколения прямых родственников, и семья, включающая в свой состав нескольких родственников по боковой линии. Одновременно с ними сохранялись и так называемые большие семьи (семейные общины), порой состоявшие из 30–50 человек как прямых, так и боковых родственников, объединявшие поколения стариков (дед, бабушка), среднее поколение (женатые сыновья, их жены) и, наконец младшее (дети, подростки).

Во-вторых, вне зависимости от состава семьи ее главой являлся старший мужчина, осуществлявший все организаторские и управленческие функции. Разделение и кооперация труда в семье были основаны на традиционных, социально закрепленных нормах половозрастной иерархии.

Роль общества и общественного мнения в формировании подрастающего поколения была весьма заметной. Семейный быт и в этом отношении оставался под неформальным контролем широких родственных и общественных структур. Семейные отношения по своей форме носили патриархальный характер и основывались на взаимных обязательствах, закрепленных вековыми обычаями и имеющими силу адата.

На основе исследования семьи мы можем вывести дефиниции. Ингушская семья — это основанная на браке и кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и обязательственной ответственностью, управляемая одним патриархом (отцом). Семья является устойчивым подразделением, одним из элементов рода, общества. Ингушская семья — относительно устойчивая группа, объединенная общими интересами, ценностями, обычаями, сложившимися в рамках исторических форм существования самого ингушского народа.

Использованная литература:

1. Баниже О.Н. Взаимодействие души и тела как основная проблема философской антропологии [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 71–74. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Banizhe.pdf (дата обращения 20.05.2019).
2. Бергер А.К. Чеченка. М.: Охрана материнства и младенчества, 1928.
3. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1, 2. М. Тип. С. Селивановскаго, 1823.
4. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // Ингуши: сб. ст. и очерков по истории и культуре ингушского народа / сост. А.Х. Танкиев. Саратов: Детская книга, 1996. С. 106–126.
5. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Т. 2. Владикавказ: Б. и., 1929. С. 296–325.

6. Итонишвили В. Д. Пережитки семейной общины в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Т. II.: Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1969. С. 27–34.
7. Крюков А. В. Культурное наследие: проблемы освоения и использования в контексте современной государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 3. С. 38–46. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Kryukov.pdf (дата обращения 30.06.2019).
8. Кудузова Ф. И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный: Книга, 1991.
9. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882.
10. Максимов Е. Д., Вертепов Г. А. Туземцы Северного Кавказа: историко-статистические очерки. Вып. I.: Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказ: Тип. Областного правления Терской области, 1892.
11. Мамакаев М. А. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1962.
12. Маргошвили Л. Ю. Культурно-этнические отношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и начале XX вв. Тбилиси: Мецниереба, 1990.
13. Маргошвили Л. Ю. Кисты Панкиси (историко-этнографическое исследование): дисс. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1970.
14. Пасынков Л. П. Быт и игры кавказских народов. Ростов н/Д: Северо-Кавказский край, 1925.
15. Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2. С. 15–24.
16. Смирнова Я. С. Детские и свадебные циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М.: Б. и., 1960. С. 47–98.
17. Харузин Н. Н. Заметки о краеведческом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. III. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 115–157.
18. Шакро (З. Гулисавили). Панкисское ущелье // Иверии. 1887. № 21.

Boris M.-G. KHARSIEV

Cand. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology,
Philosophy of Culture), Head, Ethnology Department,
Ingush Research Institute for Humanities
Magas, Russian Federation
harsieffilial@mail.ru

Regulation of the Ingush Family Relations: Social Aspect

The family is an important foundation of society. Cultural processes occur and are projected in the family. At the same time, the family is not only a kind of mirror of cultural interaction; it itself affects the cultural and everyday processes, speeding up or slowing them down. The peculiarities of the socio-economic and historical development of the Ingush people, the specificity of the mountain and foothill landscapes, the living of the greater part of the population in the countryside, the policy of the tsarist government that preserved the social order of the mountain peoples, contributed to the preservation of the tradition in its material and spiritual culture/ Husband and wife were obliged to observe certain etiquette in children, it was equally immoral to swear, quarrel or show excessive feelings of tenderness towards each other.

A large family was considered an ideal, and educational functions were the most important functions in the family.

Keywords: social nation, big family, patronymics, ethnos, public relations, family life, customs, traditions.

А. П. Ноздрина*

Прикладной аспект сохранения традиционной культуры в рамках самодеятельного творческого объединения (на примере Новороссийского клуба рукодельниц «Уютный уголок»)

В 2019 г. исполняется 10 лет Новороссийскому клубу рукодельниц «Уютный уголок». Это самодеятельное творческое объединение в рамках гражданского общества, в состав которого входит более 20 участниц разных национальностей и возрастов. Весь образ жизни мастериц научает нас пониманию смысла жизни в традиционной культуре. Рукоделие помогает осмыслению прикладных аспектов народной традиции в системе эстетического воспитания и межнационального общения.

* НОЗДРИНА Ангелина Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры инженерных дисциплин и управления Новороссийского политехнического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета, Новороссийск, Россия. Электронная почта: an.nozdrina2013@yandex.ru.